Ислам многоликий: религия как фактор формирования внешней политики Малайзии

Юлия Владимировна Рокнифард, Ноттингемский университет Малайзии,
Семени, Малайзия

Контактный адрес: julia.roknifard@nottingham.edu.my

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены пути влияния ислама на политику Малайзии. Ислам как инструмент внешней политики Малайзии использовался политической элитой государства в течение десятилетий. Наблюдатели отмечают исламизацию внешней политики страны в особенности в период премьерства Наджиба Разака (2008–2018). Однако тренд на исламизацию можно проследить с момента обретения Малайзией независимости от Великобритании в 1957 г. и в особенности – в период премьерства Махатхира Мохамеда (1981–2003). Формирование такой внешней политики Малайзии происходило на фоне исламизации политической и социальной среды внутри страны, которая, в свою очередь, стала результатом внутривнутриполитической борьбы. Таким образом, зачастую проекция идентичности Малайзии во внешний мир и соответствующая этой идентичности внешняя политика была мотивирована необходимостью удержания или привлечения поддержки малайско-мусульманского большинства на внутривнутриполитической арене. Поскольку многие вопросы, затрагиваемые в статье, касаются идентичности – как на национальном, так и на глобальном уровне – для концептуализации внешней политики Малайзии применяется конструктивистская парадигма с особым акцентом на идентичность государств. Особенно важным в этом процессе является формирование внутри- и внешнеполитического дискурса. Исламская идентичность Малайзии вовне рассматривается в трех измерениях: суннитское государство, государство-активист в исламском мире и эталон умеренного ислама. Рассмотрение этих измерений обнаруживает довольно явные противоречия между ними, а также между риторикой и реальной политикой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ислам, Малайзия, средняя держава, внешняя политика, васатыйя

Введение

Ислам как инструмент использовался во внутривнутриполитическом дискурсе Малайзии десятилетиями. Оформление исламской идентичности для проекции ее на внешнеполитической арене происходило постепенно с общей направленностью на исламизацию в периоды премьерства Махатхира Мохаммада (1981–2003), Абдулы Бадави (2004–2008), Наджиба Разака (2008–2018) и последующих, более краткосрочных правительств Махатхира Мохаммада (2018–2020), Мухиддина Ясина (2020–2021) и Исмаила Сабри (с 2021).

Для Малайзии тезис о том, что внешняя политика – продолжение внутренней, является справедливым. При этом многое из того, что предпринималось различными правительствами во внешней политике, мотивировалось внутривнутриполитическими нуждами – легитимацией правящей элиты и мобилизацией электората в поддержку правящих сил. Особое место в малайзийской политике необходимо отвести политическому долгожителю Махатхиру Мохаммаду, чья внешнеполитическая повестка отражала его харизматичный стиль лидерства. Именно в период президентства Махатхира Мохаммада с его непримиримой позицией по некоторым международным конфликтам, в особенности по палестино-израильской проблеме, была заложена основа одной из важных составляющих внешней политики Малайзии – исламского государства-активиста.

При втором премьер-министре Абдуль Разаке Хусейне (1970–1976) внешняя политика Малайзии разворачивается на Восток в поддержку интересов стран «глобального Юга» и стран-членов Движения неприсоединения. Внутри страны политика Абдуль Разака, пришедшего к власти на волне расовых погромов 1969 г.¹, означала также разворот в сторону особой системы позитивной дискриминации – введения преференций для малайского большинства в виде программы Новой экономической политики (НЭП).

Система позитивной дискриминации в пользу малайского большинства, основанная на идее *Ketuanan Melayu* – праве малайского населения осуществлять суверенное управление страной – заложила основу для развития событий на политической сцене. Подробное рассмотрение этого процесса не входит в задачи настоящей статьи и уже достаточно хорошо описано в научных и публицистических источниках². Тем не менее именно эти процессы во многом предопределяли формирование позиции Малайзии по внешнеполитическим вопросам, поэтому необходимо взглянуть на их предысторию.

Малайзию можно причислить к режимам, где режим тяготеет к определению авторитарного, но использует инструменты для самолегитимации, в том числе регулярные выборы. Эксперты, равно как и представители малайского большинства, разделяют мнение о том, что за десятилетия существования система «особых» прав, в частности, экономических, не помогла бедным слоям на-

1 Расовые беспорядки 1969 г. возникли из-за нараставшей напряженности между китайским населением, контролирующим значительную часть малайзийской экономики, и менее зажиточным малайским большинством, были спровоцированы результатами выборов в парламент, на которых значительный успех имели этнически немалайские партии. Во время беспорядков, прокатившихся по стране с особой локализацией в Куала-Лумпур и штате Селангор, погибли несколько сотен человек, урон был нанесен частной собственности.

2 Chin 2018; 2021.

селения стать богаче, а лишь обогатила узкий элитарный круг¹. В то же самое время она обеспечивала электоральную поддержку правящей коалиции *Barisan Nasional (BN)* с доминирующей в альянсе малайской партией *United Malays National Organisation (UMNO)*.

С неравным положением «автохтонного» населения и всех остальных связаны ожесточенные споры вокруг Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (*ICERD*) 1965 г. Шаги в сторону ратификации *ICERD* традиционно вызывают противодействие, поскольку рассматриваются как наступление на «особые права» большинства. Последняя безуспешная попытка предпринималась в 2018 г., когда новое коалиционное правительство сменило шесть десятилетий коалиции *Barisan Nasional*. На данный момент всего лишь две страны мусульманского большинства не ратифицировали конвенцию: помимо Малайзии, еще и соседний Бруней. Остальные 55 членов Организации исламского сотрудничества (ОИС) ратифицировали документ.

Призывы отменить рудиментарный НЭП, зарожденный в 1970-е гг., успехом не увенчались. В 1998 г. с предложением основывать экономическую поддержку населения на потребностях, а не расовой принадлежности, выступил министр финансов Анвар Ибрагим, в 2009 г. – совет экономистов, созданный премьер-министром Наджибом Разаком. Во всех случаях эти предложения встречали противодействие внутри политической элиты так же, как и *ICERD*.

На момент обретения независимости в 1957 г. соотношение малайского населения с немалайским составляло примерно равные доли, где 49% приходилось на долю малайцев, 38% – китайцев и 11% – индийцев². Статистическая информация 2020 г. показывает, что соотношение значительно изменилось в пользу малайцев и других *bumiputra* – коренных народностей страны, где *bumiputra* составляют 69,6%, китайцы – 22,6%, индийцы – 6,8%³. Таким образом, с увеличением пропорции «титульной» расовой группы повышалось стремление правящего класса фокусировать политику и предвыборную риторику именно на малайцах-мусульманах.

Исламизация внутренней политики и общественной жизни во многом происходила в результате борьбы за эту многочисленную категорию электората между правой партией *UMNO* и исламистской *Parti Islam se-Malaysia (PAS)*, так как, отвечая на популярность исламистов у мусульман, изначально более светские правые вынуждены были также доказывать, что именно она является гарантом обеспечения преференций и образцом мусульманской добродетели⁴. Для социальной гармонии же этот тренд имел крайне негативный эффект: общество сильно поляризовано по этническому и религиозному принципу, вплоть до того, что вопрос о существовании единой малазийской нации остается довольно спор-

1 James Chin, "The Costs of Malay Supremacy," *The New York Times*, August 27, 2015, accessed November 20, 2021, <https://www.nytimes.com/2015/08/28/opinion/the-costs-of-malay-supremacy.html>.

2 Именно три эти группы – малайцы, китайцы и индийцы – считаются основными расами, населяющими Малайзию, хотя само понятие этой категории и организация общественной жизни на основании разделения на расы эволюционировали со времен колониальной зависимости. См. Hirschman 1980.

3 "Current Population Estimates, Malaysia, 2021," Department of Statistics Malaysia, July 15, 2021, accessed November 20, 2021, https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemeByCat&cat=155&bul_id=ZjJOSnpJR21sQWVUcUp6ODRudm5JZz09&menu_id=L0pheU43NWJwRWVSczklWdzQ4TlhUUT09.

4 James Chin, "Mahathir and the Rise of Political Islam," *Nikkei Asia*, April 19, 2019, accessed November 20, 2021, <https://asia.nikkei.com/Opinion/Mahathir-and-the-rise-of-political-Islam>.

ным. При этом расцвет коррупции и ухудшающееся экономическое положение бедных слоев населения продолжает способствовать сокращению поддержки традиционных политических сил даже малайско-мусульманским большинством. Результаты падения рейтингов традиционных политических партий и лидеров стали особенно заметны на выборах 2008 г., закрепив этот тренд в 2013 г. и, наконец, в 2018 г. – когда новая коалиция партий *Pakatan Harapan (PH)* положила конец 60-летнему непрерывному правлению доминирующей *UMNO*.

Внутренняя исламизация как результат борьбы за поддержку избирателей оказала непосредственное влияние на внешнюю политику страны.

Концептуализация внешней политики Малайзии

Внешняя политика Малайзии не опирается на официальные доктрины или концепции. Отвечая на призыв артикулировать внешнеполитические приоритеты более предметно, МИД Малайзии опубликовал принципы внешней политики¹, которые базируются на речи Махатхира Мохамеда в Генеральной Ассамблее ООН 2018 г.² Также министерство обороны выпустило в 2020 г. Белую книгу (*White Paper*)³, описывающую приоритеты государства в области безопасности.

Внутриполитический дискурс довольно слабо завязан на происходящее во вне государственных границ, и чаще представляется провинциальным, фокусирующимся на каждодневной внутриполитической борьбе. Тем не менее ряд внешнеполитических тем вызывает отклик у электората и активно используется политиками. Ротация политиков на министерских должностях зачастую не обусловлена опытом в конкретной области (например, для получения назначения на пост министра здравоохранения не требуется медицинское образование или опыт работы в медицинской системе, а министр иностранных дел, как правило, не является карьерным дипломатом), поэтому линия МИД зависит от политической конъюнктуры.

С периода премьерства харизматичного Махатхира Мохамеда Малайзия все больше стремится играть роль «активиста» в делах мусульманской уммы, а отношения с исламским миром по приоритетности не уступают ее отношениям со странами АСЕАН. По сути, Малайзия начинает претендовать на звание средней державы в международных отношениях. В 2002 г. Махатхир Мохамед заявляет, что страна уже является исламским государством и не «умеренным», а вполне «фундаменталистским»⁴. Идеологические концепты *"Islam hadhari"* Абдулы Бадави и *"wasatiyyah"* Наджиба Разака подталкивают Малайзию в стороны средней державы исламистского толка. Хотя в период первого премьерства Махатхира Мохамеда не была обозначена конкретная идеология как при его преемниках Абдуле Бадави и Наджибе Разаке, он имел свои воззрения о том, как проецировать

1 "Malaysia's Foreign Policy," Ministry of Foreign Affairs, accessed December 5, 2021, <https://www.kln.gov.my/web/guest/foreign-policy>.

2 "Malaysia – Prime Minister Addresses General Debate, 73rd Session (2018)," Youtube, September 28, 2018, accessed December 8, 2021, https://www.youtube.com/watch?v=bRlpbXyQo_Y.

3 "Kertas Putih Pertahanan (Security White Book) 2020," Kementerian Pertahanan (MINDEF), accessed November 20, 2021, <https://www.mod.gov.my/images/mindef/article/kpp/KPP.pdf>.

4 Kevin Tan, "Malaysia a Fundamentalist Islamic Country, Says PM," Malaysiakini, June 17, 2002, accessed November 20, 2021, <https://www.malaysiakini.com/news/11804>.

имидж страны на международной арене, в особенности в исламском мире. С 2002 г., когда Махатхир Мохамад провозгласил Малайзию исламским государством, страна действительно продвинулась на пути исламизации своей внутренней и внешней политики.

Концепция среднего государства довольно подробно раскрыта и в зарубежной, и в российской литературе, несмотря на то что споры по поводу определения средних держав по-прежнему ведутся. Сам термин «средняя держава» (*middle power/mezano*) был наиболее полно сформулирован в XVI в. итальянским мыслителем Дж. Ботеро, который к таким державам относил государства, обладающие достаточной силой и авторитетом, чтобы «стоять самостоятельно, без помощи других»¹. К. Асмолов и А. Соловьев рассматривали концепцию «стратегической автономии» Республики Корея на основании дискурса о средних державах². Малайзию же можно отнести к нетрадиционным или восходящим средним державам. Г. Бертон, например, утверждает, что по расходам на военный сектор, экономическим и демографическим параметрам Малайзия наряду с Индонезией удовлетворяет требованиям, предъявляемым к средним державам³.

При этом четкого определения средней державы с исламскими характеристиками в политической науке нет. Поэтому среднедержавность Малайзии рассматривается на основании традиционного академического подхода, а не риторики политических лидеров.

В самом деле, дебаты о том, считать ли Малайзию исламским государством или государством светским, не прекращаются по сей день. Комиссия Рида, ответственная за проект конституции независимой Малайзии, в какой-то момент исключила упоминание «светского государства» и добавила положение об исламе как «официальной религии федерации» (см. статью 3.1 Конституции Малайзии⁴). Такая формулировка заложила основу для двойственного восприятия взаимоотношения общества и государства с религией. Так, исходя из конституции и сложившихся практик, Малайзию сложно причислить и к светским государствам, как, например, Индию или Турцию, и к исламским, как ее пытался представить Махатхир Мохамад.

Иногда даже само определение Малайзии как среднего государства ставится под вопрос. Премьер-министр Наджиб Разак не раз представлял Малайзию в качестве такового⁵, хотя некоторые на домашней политической арене считают, что многие устремления премьер-министра, оскандаленного многомиллионным коррупционным делом, связанным с корпорацией *1MDB*, оставались нацелены на получение личной выгоды и на попытки избежать уголовного преследования по делу (к их числу относятся и внешнеполитические реверансы в сторону монархий Персидского залива, якобы оказывавших Наджибу Разаку финансовую

1 Botero 1956.

2 Асмолов, Соловьев 2021.

3 Burton 2021.

4 "Federal Constitution of Malaysia, First Introduced on 31 August 1957. Incorporating all Amendments up to P.U. (A) 164/2009," Suruhanjaya Pelantikan Kehakiman (Commission for Appointment of Judges), accessed November 20, 2021, https://www.jac.gov.my/spk/images/stories/10_akta/perlembagaan_persekutuan/federal_constitution.pdf.

5 Waikar et al. 2021.

поддержку)¹. Конечно, средним государствам свойственна нишевая внешняя политика, но не настолько, чтобы удовлетворять исключительно личным интересам отдельных политиков.

Формирование идентичности Малайзии как среднего и как исламского государства совсем необязательно проходило одновременно. Например, Наджиб Разак чаще делал акцент на геополитическом значении страны, оставляя за скобками исламские характеристики. В то же время в период его премьерства статус Малайзии как государства-активиста в мусульманском мире продолжал расти, по крайней мере в том, что касается риторики в отношении конфликтов с участием мусульман.

В соответствии с наиболее популярным определением, средняя держава находится между небольшими и великими державами, обладает ресурсами для подрыва регионального порядка или глобальных инициатив, и даже может выполнять лидерскую функцию по некоторым вопросам, но недостаточно сильна, чтобы разрешать наиболее важные вопросы в международной системе².

Поскольку в случае Малайзии внутривнутриполитическое развитие событий может во многом рассматриваться как основа для формирования внешней политики, а внутренняя политика, в свою очередь, тесно связана с вопросами идентичности, конструктивистская парадигма представляется наиболее уместной здесь концептуальной рамкой. Если говорить об идентичности государств, то исследователи определяют ее как «концепцию» государства: что оно собой представляет и как себя позиционирует на национальном, региональном и глобальном уровнях³.

Разумеется, позиционирование на международной арене для внешней аудитории осуществляется с определенными целями для того, чтобы заручиться поддержкой со стороны отдельных государств или их сообществ, для формирования союзов. Иметь уже сформированную идентичность для этого необязательно: иногда процесс ее конструирования может ориентироваться на достижение каких-либо внешнеполитических целей в будущем⁴. К примеру, в попытке снизить благосклонность Саудовской Аравии, Малайзия постепенно выстраивала конфронтационный курс в отношении Ирана, а также преследовала мусульман-шиитов, тем самым демонстрируя поддержку Эр-Рияда в его противостоянии с Тегераном.

Применительно к идентичности государства можно использовать характеристики, приписываемые идентичности отдельной личности⁵ – во-первых, она может меняться, причем для государств она может быть даже более подвижна, чем для людей; и во-вторых, идентичность многогранна, а значит, в зависимости от выполняемых ролей и обстоятельств она будет проявляться по-разному. Так, Малайзия может становиться постколониальным государством с позицией неприсоединения (как член Движения неприсоединения и

1 Liew Chin Tong, "Malaysia as a Middle Power," MalaysiaKini, September 11, 2017, accessed December 5, 2021, <https://m.malaysiakini.com/news/394775>.

2 Jordaаn 2003.

3 Ashizawa 2008.

4 Waikar et al. 2021.

5 Ashizawa 2008.

сторонник аналогичной позиции во внешней политике), азиатской страной с консервативными ценностями, передовым членом АСЕАН, поликультурной и многонациональной страной или страной мусульманского большинства. Например, среди внешних наблюдателей за Малайзией закрепился имидж страны, успешно построившей нацию из своего многонационального народа. Однако если наблюдать с позиции граждан, при углубляющихся водоразделах между представителями различных рас и религий об успехе говорить вряд ли приходится. Более того, если сравнивать позицию отдельных политических сил, например, относительно кризисамусульман-рохинджа в Мьянме, с внутривластными решениями и заявлениями, затрагивающими собственные меньшинства Малайзии, непоследовательность довольно очевидна. Совсем разные идентичности Малайзия демонстрирует и основным гигантам, борющимся за влияние в Юго-Восточной Азии – Китаю и США.

Следуя концепции «властоментальности» М. Фуко¹, предполагается, что, для того чтобы проецировать определенную идентичность вовне было возможным, внутри страны эта идентичность должна проявляться в виде доминирующего дискурса. Однако обнаруживается, что различные проявления идентичности могут вступать в дискурсивный конфликт друг с другом. Ряд экспертов² делает акцент на том, что конфликтующие грани идентичности государства могут появляться в результате внутривластной борьбы.

Таким образом, малайзийскую идентичность, проецируемую вовне, можно определить как многосоставную, где мусульманское государство и средняя держава являются лишь одной из ее граней. В данной статье автор рассматривает три проявления Малайзии как средней державы с исламскими характеристиками: государства-активиста, идеологически умеренного государства и суннитского государства³.

Формирование исламистского дискурса

Основа для упомянутой двойственности в отношении государства и религии была заложена уже в конституции, которая определила особое место ислама в жизни страны. Конституция не называла Малайзию исламским государством, но исламу отводилась главенствующая роль. Определение «титულიной нации» в соответствии с основным законом (ст. 160) своеобразное: малайцем может считаться только мусульманин (хотя обратное утверждение не будет полностью справедливо), то есть этническая принадлежность к большинству рассматривается неотрывно от таковой же религиозной принадлежности⁴.

Появление исламских активистов, плотно вплетающих ислам в свою риторику, укрепилось с практикой исламистов из PAS отправлять студентов на учебу в престижные исламские школы Ближнего Востока, например, в египетский Аль-

1 Burchell et al. 1991.

2 Waikar et al. 2021.

3 Ibid.

4 Можно заметить, что такое определение перекликается с представлением ранних мусульман о преданности действующей власти на основании религиозной принадлежности (смена религии означает также смену лояльности конкретному политическому образованию – поэтому вероотступничество, по сути, означало государственную измену).

Азхар¹. *UMNO*, стараясь не отставать от конкурентов из *PAS*, способствовали созданию системы исламских институтов для контроля за религиозным дискурсом внутри страны.

В 1968 г. по инициативе правителей (султанов) было учреждено подразделение по исламским делам при премьер-министре² – на данный момент глава подразделения имеет министерский портфель. В 1997 г. по инициативе Махатхира Мохамеда был учрежден Департамент исламского развития Малайзии (*JAKIM*) с сетью региональных отделений. Помимо многочисленных функций практически во всех сферах общества, учреждение *JAKIM*, в соответствии с идеей Махатхира Мохамеда, должно было способствовать выводу Малайзии на международный (исламский) рынок в области производства и сертификации продукции *халаль*. Четвертый «план развития» провозгласил главенствующую роль ислама в развитии страны³. Также Малайзия начинает развиваться в направлении исламских финансов и стандартизации продукции под знаком «*халаль*» под руководством *JAKIM*. Между тем компетенция *JAKIM* расширялась и со временем в нее вошли функции обеспечения системы религиозных школ, регистрации брака и даже «моральной полиции». Содержание организации также выросло до внушительных размеров – ежегодный бюджет департамента в 2021 г. составил 1,4 млрд ринггит⁴ (334,5 млн долл.), по-прежнему оставаясь непрозрачным для общественного контроля.

В 1983 г. также при Махатхире Мохамеде в Малайзии был открыт Международный исламский университет (*UIA/IIUM*) – один из трех основанных под покровительством Организации исламского сотрудничества (ОИС). В то время как *JAKIM* поддерживает десятки тысяч имамов и преподавателей ислама более низкого звена, *UIA* в момент его основания создавался с посылом к внешним игрокам в исламском мире. Утверждение Малайзии как центра, производящего собственные исламские кадры, дополнялось ролью *UIA* как центра, привлекающего к себе малайскую молодежь из разных регионов страны.

Со временем *UIA* стал осваивать миссию «исламизации» образования и практически всего остального. Так, если органы системы *JAKIM* делали акцент на сертификацию «*халаль*», которая распространилась с продуктов питания на широкий круг товаров и услуг, включая, например, туризм, то в *UIA* занимались концептуализацией этого процесса, исследуя темы от богоугодности пересадки органов до теории эволюции⁵. Если изначально цели создания системы институтов, закрепляющих практически государствообразующую роль ислама в стране, были чуть более ограничены, то со временем говорить об исламизации любой сферы жизни стало обыденным.

Кооптация как средство в политической борьбе между *UMNO* и *PAS* распространялась и на гражданское общество. Махатхир Мохамед, например, кооп-

1 Kushimoto 2015.

2 Jia Vern Tham, "So JAKIM was only born in 1997... What were Malaysia's Halal laws like before that?" Cilisos, December 28, 2020, accessed December 5, 2021, <https://cilisos.my/so-jakim-was-only-born-in-1997-what-were-malaysias-halal-laws-like-before-that/>.

3 "Fourth Malaysia Plan, 1981–1985," Official portal of Economic Planning Unit, Prime Minister's Department, accessed December 5, 2021, <https://www.epu.gov.my/en/economic-developments/development-plans/rmk/fourth-malaysia-plan-1981-1985>.

4 Kenneth Tee, "In Budget 2021, Putrajaya allocates RM1.4b for Islamic Affairs under PM's Dept," Yahoo News, November 6, 2020, accessed December 5, 2021, <https://malaysia.news.yahoo.com/budget-2021-putrajaya-allocates-rm1-095054710.html>.

5 Стоит отметить, что «Происхождение видов» Ч. Дарвина на малайском языке является запрещенной к распространению. Запрет не касается английской версии этого труда.

тировал молодежное исламское движение (*Angkatan Belia Islam Malaysia – ABIM*), основатель которого Анвар Ибрагим в 1983 г. стал министром культуры, молодежи и спорта, к 1993 г. добравшись до поста заместителя премьер-министра. Традиционные СМИ также попали под контроль, став уделять большее внимание распространению «правильного» контента – версии исламского дискурса, задаваемого правящей элитой.

Малайзия как государство-активист в исламском мире

Наджиб Разак не включался особенно интенсивно в поддержку мусульманских сообществ до 2012 г. В 2012 г. малазийский парламент выступил с нотой осуждения по поводу израильской атаки Газы¹. Однако попытка простимулировать ОИС для созыва чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН для рассмотрения вопроса на тот момент оказалась провальной, как и попытка инициировать рассмотрение дела об атаке Израиля на «Флотилию свободы» Газы в 2010 г. в Международном уголовном суде. Тогда же Н. Разак выступал со словами осуждения Тель-Авива и Вашингтона и настаивал на прекращении поддержки сионистского режима со стороны США².

Несмотря на то что в национальном дискурсе встречаются описания малайцев как «наивных, легко поддающихся обману» людей³, малазийских политиков едва ли можно заподозрить в излишней наивности. Во-первых, вряд ли Наджиб Разак имел какие-то иллюзии, что США откажутся от поддержки Израиля после требований со стороны Малайзии. Во-вторых, попытки инициировать рассмотрение дела в Международном уголовном суде выглядят неубедительно со стороны Малайзии, где ратификация Римского статута вызывает ожесточенное противодействие. В-третьих, надежда на влияние ОИС тоже вряд ли реальна – в последние годы к организации в Малайзии относятся как к довольно парализованному институту. Таким образом, Наджиб Разак изначально осознавал, что его действия носят риторический характер и не ожидал реальных изменений ни на одном из направлений.

В то же время пропалестинский нарратив эффективно использовался во внутренней политике и позволял премьер-министру выглядеть лидером, озабоченным проблемами мусульманского мира. Следует заметить, что в Малайзии существует большое количество НКО, выступающих в поддержку Палестины – *Cinta Gaza Malaysia, Global Peace Mission, Viva Palestine, Perdana Global Peace Foundation* Махатхира Мохаммада. Ежегодно на День Кудс⁴ перед посольством США в Куала-Лумпур собирается демонстрация, объединяющая как простых граждан, так и выходцев из исламистских политических партий.

1 "Emergency Motion to Condemn Israeli Attacks in Gaza," The Star, November 19, 2012, accessed November 20, 2021, <https://www.thestar.com.my/news/nation/2012/11/19/emergency-motion-to-condemn-israeli-attacks-in-gaza/>.

2 "Najib: World Opinion will turn Against Israel and U.S." The Star, January 16, 2009, accessed November 20, 2021, <https://www.thestar.com.my/news/nation/2009/01/16/najib-world-opinion-will-turn-against-israel-and-us/>.

3 Mariam Mokhtar, "Do the Malays Know what they want?" MalaysiaKini, June 5, 2020, accessed November 20, 2021, <https://www.malaysiakini.com/columns/528804>; Trinna Leong, "Malaysian PM Mahathir Urges Malays to Work Harder, Compete," The Straits Times, May 9, 2019, accessed November 2021, <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/malaysian-pm-mahathir-urges-malays-to-work-harder-compete>.

4 Международный день Аль-Кудс (Иерусалима) традиционно отмечается в последнюю пятницу священного месяца (рамадан) мусульманского поста.

В 2013 г. Наджиб Разак первый из иностранных лидеров с момента блокады совершил визит в Газу, где он встречался с руководством ХАМАС. Во время визита он принял участие в церемонии открытия школы, построенной на малазийские средства, и даже предложил выступить посредником в урегулировании разногласий ХАМАС с ФАТХ. На Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе Н. Разак постарался закрепить результат, продолжая привлекать внимание к Газе через свои аккаунты в социальных сетях¹.

При последующих правительствах палестинская тема оставалась основной в конструировании образа мусульманского государства-активиста. В сентябре 2021 г. Малайзия объявила о создании специального департамента по Палестине при посольстве в Иордании², а также намерении назначить военного атташе в Египте, ответственного за переправку гуманитарной помощи в Газу³.

Поддержка мусульман-рохинджа, преследуемых в Мьянме, для Малайзии была сопряжена с большими трудностями. Мьянма, так же как и Малайзия, страна-член АСЕАН, где политика невмешательства в дела соседей является центральным принципом. Поэтому если малазийское руководство решает выступать в поддержку рохинджа, ареной для этого, скорее, будет ОИС, а не АСЕАН. Осознание того, что все в сообществе АСЕАН живут в «стеклянных домах» – где к каждому правительству легко найдется повод для критики со стороны соседей – способствует эффективному соблюдению этого принципа. Так, если Малайзия всерьез начнет оказывать давление на военную хунту в Мьянме по вопросу притеснения мусульман, из Нейпидо всегда могут ответить вопросами о политике Путраджаи в отношении малазийских немусульман.

На митинге в декабре 2016 г. Наджиб Разак подчеркнул, что творимый в Мьянме геноцид требует внимания мусульманской уммы, а Аунг Сан Су Джи незаслуженно получила Нобелевскую премию мира⁴. Расчет такой риторики мог заключаться в смещении дискурса по проблеме рохинджа из вопросов регионального значения в категорию представляющих интерес для более широкого круга игроков – мусульманских стран – за счет маркировки его в качестве конфликта на религиозной почве. В Мьянме такими выступлениями могут быть недовольны, но с некоторым пониманием относятся к риторическим выпадам Малайзии, которые не приводят к реальным действиям и во многом нацелены на внутреннюю аудиторию. Говоря об адресатах внутри АСЕАН, провокация индонезийского президента Дж. Видодо присоединиться к высказываниям против Мьянмы также не удалась. К тому же сами мьянманские мусульмане адресовали Н. Разаку письмо, осуждающее его за использование кризиса в собственных политических интересах⁵. Наджиб Разак обещал благоприятную миграционную по-

1 "Najib's Tweets the most Retweeted," Astro Awani, January 23, 2013, accessed December 5, 2021, <https://www.astroawani.com/berita-malaysia/najibs-tweets-most-retweeted-4805>.

2 "Malaysia sets up Palestinian Affairs Unit," FMT, September 21, 2021, accessed November 2021, <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2021/09/21/malaysia-sets-up-palestinian-affairs-unit/>.

3 Predeep Nambiar, "Military Attache Needed in Egypt to help NGOs enter Gaza, says MP," September 21, 2021, accessed December 5, 2021, <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2021/09/21/military-attache-needed-in-egypt-to-help-ngos-enter-gaza-says-mp/>.

4 David Hutt, "Najib's Dangerous and Self-Serving Rohingya Campaign," The Diplomat, December 24, 2016, accessed December 5, 2021, <https://thediplomat.com/2016/12/najibs-dangerous-and-self-serving-rohingya-campaign/>.

5 "Myanmar Muslim Groups Condemn Protest by Malaysian Leader Over Rohingya Crisis," Radio Free Asia, December 6, 2016, accessed November 20, 2021, <https://www.rfa.org/english/news/myanmar/myanmar-muslim-groups-condemn-protest-by-malaysian-leader-over-rohingya-crisis-12062016154320.html>.

литику в отношении беженцев рохинджа в Малайзии, но ничего для этого сделано не было¹. Малайзия так и не подписала Конвенцию о статусе беженцев 1951 г. и всех беженцев по определению рассматривает как нелегальных иммигрантов, а к рохинджа отношение в стране – одно из худших.

Важно заметить, что у Малайзии, даже если считать ее средним государством, недостаточно ресурсов, чтобы уделять значительное внимание широкому кругу вопросов, беспокоящих исламский мир. Кроме того, особая поддержка некоторых меньшинств в странах немусульманского большинства чревата потерями на внешнеполитическом поле. Одним из ярких примеров является довольно невнятная риторика о притеснении мусульман-уйгуров в Китае. Конечно, Пекин тоже предпринимал действия для того, чтобы доказать своим партнерам, что в Синьцзян-Уйгурском автономном округе ничего не происходит: в частности, организовывались поездки для малайских НКО и чиновников с целью продемонстрировать нормальные условия жизни уйгуров в Китае. Но основным фактором все же является осознание в Малайзии стратегической важности Китая для собственного благополучия. Поэтому отдельные акции в поддержку уйгуров так и не выросли до уровня основных пунктов повестки Малайзии как государства-активиста.

Примечательно, что поддержка притесняемых наций или меньшинств по принципу «мусульманского братства» на внешнеполитической арене не всегда проецируется в том же виде внутри Малайзии. Предпочтения внутри страны все равно зачастую отдаются представителям той же расовой группы, а не религиозной конфессии. К примеру, даже такой небольшой жест, как переименование маленького переулочка *Raja Laut 1 в jalan Palestine* (улицу Палестины) в сентябре 2020 г. вызвало возражение как со стороны немусульман, так и самих мусульман – некоторые увидели в этом угрозу культурной идентичности. Внутри самого «мусульманского братства» также не все оказываются равны: например, мусульмане-арабы предпочтительнее к поддержке, чем мусульмане-рохинджа. После того как Малайзия во время тяжелой коронавирусной ситуации отправила лодки с рохинджа, прибывающие к ее берегам, обратно в море, отказавшись принять беженцев к себе, фокус внимания в медиа быстро переместился на поддержку Палестины в связи с палестино-израильской эскалацией апреля 2021 г.

Контраст между политикой Малайзии в отношении собственных меньшинств и ее риторикой по поводу мусульманских меньшинств в других странах в очередной раз напомнил о себе в речи премьер-министра Исмаила Сабри в ГА ООН в сентябре 2021 г.² В своем выступлении Исмаил Сабри говорил про апартеид сионистского режима против палестинцев и призывал к мирному сосуществованию различных наций, народностей, религиозных конфессий и культур. Такое парадоксальное сочетание риторики, направленной на внешнюю аудиторию, и ситуации внутри страны становится все более очевидным уже не только этноконфессиональным меньшинствам, но и малайско-мусульманскому

1 Tashny Sukumaran, "Is Malaysian Support for Rohingya an Election ploy by Najib Razak?" SCMP, April 30, 2017, accessed November 20, 2021, <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2091627/malaysian-support-rohingya-election-plot-najib-razak>.

2 Martin Vengadesan, "Why Minorities did an Eye-roll over Umno PM's 'Apartheid' Remark," MalaysiaKini, September 26, 2021, accessed December 5, 2021, <https://www.malaysiakini.com/columns/592831>.

большинству. Так что под вопросом остается, насколько последующие правительства смогут зарабатывать политические очки на использовании идентичности Малайзии как государства-активиста.

Малайзия как эталон умеренного ислама

Попытки задавать исламский дискурс за счет создания и популяризации концептов, таких как *islam hadhari* («цивилизационный», «прогрессивный ислам») Абдулы Бадави и *wasatyyah* («срединный пусть», «умеренный ислам») Наджиба Разака меньше были нацелены на внутривнутриполитическую борьбу и больше – на презентацию государства на внешнеполитической арене.

Wasatyyah, или «срединный путь», стала концептом, вокруг которого должна была формироваться не только внутренняя и внешняя политика Малайзии, но и общеисламский дискурс по широкому кругу вопросов. Внутри страны этот лейбл позволял премьер-министру оставаться на вершине связанной с исламом повестки, вовне – презентовать страну как эталон сбалансированного сообщества мусульманского большинства, гарантирующего благоденствие всем проживающим в ней расовым группам. Таким образом, Малайзия должна была представлять как надежный партнер и желаемый кандидат для осуществления посреднической роли в различных конфликтах.

Предложение посреднических услуг ХАМАС и ФАТХ, упомянутое в разделе про исламский активизм, не единственное. Малайзия выступала в роли медиатора ближе к дому – в Южном Таиланде и на Филиппинах. В самом деле, переговоры между Исламским фронтом освобождения Моро (*MILF*) и правительством Филиппин происходили при содействии Малайзии. Успехи на этом фронте Наджиб Разак называл «*wasatyyah* в действии»¹, утверждая, что концепция близка не только мусульманам, но также и представителям всех других конфессий, а значит может быть взята на вооружение как щит против экстремизма и радикализации.

Считая *wasatyyah* привлекательной идеей, к тому же основанной на кораническом тексте и преданиях о жизни пророка, Наджиб Разак представлял ее как контрнарратив идеологии экстремизма и терроризма и даже пытался продвигнуть инициативу через ОИС. 13-й Исламский саммит ОИС в финальном коммюнике отметил особую заслугу Малайзии в миротворческой деятельности в Юго-Восточной Азии², но нельзя сказать, что *wasatyyah* в формулировке малазийского лидерства получила широкое распространение как уникальный концепт.

Следуя в фарватере запущенной идеи «умеренности» и капитализируя признание в исламском мире, в 2017 г. Малайзия запустила Глобальное движение умеренных (*Global Movement of Moderates – GMM*), апеллируя также и к Западу. Значительная финансовая и организационная поддержка со стороны государства позволяла членам фонда *GMM* представлять Малайзию на высоком уровне

1 Mazwin Nik Anis, "Wasatiyyah Relevant to all," Star Online, January 7, 2018, accessed December 5, 2021, <https://www.thestar.com.my/news/nation/2018/01/07/wasatiyyah-relevant-to-all-pm-moderation-a-crucial-shield-against-extreme-ideologies/>.

2 "Final Communique of The 13th Islamic Summit Conference (Unity and Solidarity for Justice and Peace), Istanbul, Republic Of Turkey, 14–15 April 2016," OIC/13TH SUMMIT 2016/FC/FINAL, accessed December 5, 2021, p. 17, <https://www.oic-oci.org/docdown/?docID=14&refID=5>.

во взаимодействии с европейскими странами. Внутри Малайзии Фонд *GMM* был основан еще в 2012 г., а в 2014 г. организация поддержала 2-й молодежный саммит Россия–АСЕАН в Куала-Лумпур¹. Тогда же Фонд получил признание со стороны стран Содружества и Движения неприсоединения, а резолюция ГА ООН приняла резолюцию по *GMM* в 2017 г., провозгласив 2019 г. годом «умеренности», и призывая к распространению ценностей диалога, толерантности, взаимопонимания и сотрудничества². Однако результаты деятельности *GMM* остались неясны: фонд скорее напоминал мозговой центр, который не публикует подробных отчетов от своей деятельности, а глобальный компонент выражался в основном в зарубежных поездках руководства, вызывая вопросы у озабоченных налогоплательщиков³.

Васатыйя как концепт для презентации на внешнем поле не означала, что идея превалирует внутри страны. С 2017 г. в Малайзии в качестве постоянного резидента⁴ ведет свою деятельность индийский проповедник экстремистского толка Закира Наика⁵. Закир Наик преследуется правительством Индии по обвинению в отмывании денег. Однако ему также приписывают вовлеченность в теракты в Индии⁶, Бангладеш и Шри-Ланке. Малазийское правительство, причем не только Наджиба Разака, но его преемника Махатхира Мохамеда отказалось рассмотреть вопрос экстрадиции З. Наика в Индию. Проповедник обрел популярность среди местных мусульман и его высылка могла бы нанести удар по рейтингам правительства среди малайско-мусульманского электората. Так что даже реформистская «Коалиция надежды» (*Pakatan Harapan – PH*), прервав в 2018 г. 60-летнее правление *UMNO*, не готова была пойти на такой рискованный для себя шаг.

Демонстративный отказ индийских компаний закупать пальмовое масло в Малайзии в 2020 г. указывал причиной недовольство критикой Махатхира Мохамеда политики Индии в отношении Кашмира⁷. В реальности Индия также рассчитывала ответить Малайзии именно за предоставление убежища Закиру Наику.

В 2018 г. опрос, проведенный малазийским центром исследования общественного мнения *Merdeka Center*, выявил существенную поддержку малазийскими мусульманами террористических организаций Исламское государство (ИГ) – 5,2%⁸ и *Jemaah Islamiyah (JI)* – 18,1%⁹. Согласно данным того же исследования, Малайзия показала высокий уровень нетерпимости по отношению к представите-

1 "Second ASEAN-Russia Youth Summit," ASEAN.MGIMO, September 24, 2014, accessed November 20, 2021, <https://asean.mgimo.ru/en/news/2014/second-asean-russia-youth-summit>.

2 "United Nations Adopts Malaysia's Resolution of Moderation," NST, December 9, 2017, accessed December 5, 2021, <https://www.nst.com.my/news/nation/2017/12/312589/united-nations-adopts-malaysias-resolution-moderation>.

3 "The Failed State of the Global Movement of Moderates," The Malaysian Insight, February 12, 2018, accessed December 5, 2021, <https://www.themalaysianinsight.com/s/37602>.

4 В отличие от ряда стран мира, вид на жительство в Малайзии получить очень сложно, и занимает это значительное время. В случаях, когда заявитель не состоит в браке с гражданином страны, получение вида на жительство требует специальной рекомендации и, как правило, содействия со стороны властей.

5 Mazwin Nik Anis, "Zakir Naik has Malaysian PR Status, DPM Confirms," The Star, April 18, 2017, accessed December 5, 2021, <https://www.thestar.com.my/news/nation/2017/04/18/zakir-naik-malaysian-pr/>.

6 Alyaa Abdul Aziz Alhadjri, "MP Questions govt Commitment to Probe Zakir Naik's Alleged Terror Links," MalaysiaKini, December 14, 2020, accessed December 5, 2021, <https://www.malaysiakini.com/news/555193>.

7 Rajendra Jadhav, "India Urges Boycott of Malaysian Palm Oil After Diplomatic Row – Sources," Reuters, January 13, 2020, accessed December 5, 2021, <https://www.reuters.com/article/us-india-malaysia-palmoil-exclusive-idUSKBN1ZCOT6>.

8 Norshahril Saat et al. 2021.

9 Ainaa Aiman, "Survey Finds Malaysian Muslims Sympathetic Towards Terrorism," FMT, November 19, 2018, accessed December 5, 2021, <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2018/11/19/survey-finds-malaysian-muslims-sympathetic-towards-terrorism/>.

лям других конфессий. Система среднего и высшего образования, отметили эксперты, вносит свою лепту в радикализацию молодых людей¹.

В 2014 г. Наджиб Разак не постеснялся призвать членов партии *UMNO* быть такими же отважными в борьбе со своими оппонентами, как Исламское государство Ирака и Сирии (ИГИЛ)². Поскольку это случилось на заре успехов ИГИЛ, Наджиб Разак мог и не осознавать масштабы развертывающейся на Ближнем Востоке катастрофы. Однако уже тогда было понятно, что ИГИЛ являются осколком Аль-Каиды³ и совершенно точно не преследуют умеренный дискурс, учитывая что за неделю до этого игиловский террорист-смертник (предположительно из Малайзии) взорвал себя на полицейском участке в Ираке, что привело к гибели 25 человек.

В 2021 г., когда Талибан⁴ захватил власть в Афганистане после вывода войск США, и в международном сообществе возникли опасения о ситуации с правами человека, в особенности женщин, малазийские исламисты не скрывали радости – *PAS* выступила с поздравлениями в адрес исламского эмирата⁵ и афганской нации, а Талибан их даже поблагодарил. Тем более что заявленная Талибаном «красная дорожка» для китайского проекта «Один пояс – один путь» вполне укладывается во внешнеполитические приоритеты Малайзии⁶.

Если сравнивать прогресс внутренней исламизации с ситуацией двадцатилетней давности, наблюдатели отметят, что Малайзия значительно продвинулась в сторону консервативных интерпретаций религии⁷, подтверждением тому служат различные индикаторы – от повсеместного ношения хиджаба (гораздо менее распространенное пару десятков лет назад) до многочисленных манифестаций межэтнического и межконфессионального напряжения, спровоцированного изменением в общественном дискурсе. При этом консервативная интерпретация религии во многом служила укреплению границ между представителями основных малайских этносов, поскольку выполняла политические, а не теологические задачи. Основной из этих задач являлось удержание поддержки электората.

В короткий период правления оппозиционной коалиции *PN* вариации на тему васахты продолжили циркулировать в пространстве общественного диалога и презентации Малайзии за рубежом, хотя и не получили такой огласки, как предшествующие концепты, оставшись, скорее, слоганами. Например, министр по религиозным вопросам Муджахид Юсуф Рава заверял общественность в том, что он планирует развернуть исламский дискурс в сторону "*Rahmatan Lil Alamin*" – ислама как «милости, ниспосланной миру», «ислама сострадательного»⁸. На практике же это не имело реального значения и разворота в сторону каких бы то ни было реформ.

1 Ainaa Aiman, "Survey Finds Malaysian Muslims Sympathetic Towards Terrorism," FMT, November 19, 2018, accessed December 5, 2021, <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2018/11/19/survey-finds-malaysian-muslims-sympathetic-towards-terrorism/>.

2 Запрещенная в России террористическая организация.

3 Запрещенная в России террористическая организация.

4 Запрещенная в России террористическая организация.

5 "Tahniah kepada rakyat Afghanistan (Congratulations to the Nation of Afghanistan)," Harakah Daily, August 18, 2018, accessed December 5, 2021, <https://harakahdaily.net/index.php/2021/08/18/tahniah-kepada-rakyat-afghanistan/>.

6 Adnan Aamir, "Taliban Rolls out Red Carpet to China's Belt and Road Initiative," Nikkei Asia. September 12, 2021. accessed December 5, 2021, <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Afghanistan-turmoil/Taliban-rolls-out-red-carpet-to-China-s-Belt-and-Road-Initiative>.

7 Dominique F. Fernandez, "Malaysia's Slide Toward More Conservative Islam," The Diplomat, October 4, 2017, accessed December 5, 2021, <https://thediplomat.com/2017/10/malysias-slide-toward-more-conservative-islam/>.

8 Predeep Nambiar, "Mujahid Defends RM1.3 Bil Budget for Jakim," FMT, November 25, 2019, accessed December 5, 2021, <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2019/11/25/mujahid-defends-rm1-3-bil-budget-for-jakim/>.

Малайзия как страна суннитского ислама

Большинство малазийских мусульман следуют шафиитскому мазхабу суннитского направления ислама, но это не означает автоматической самоидентификации с другими суннитскими странами. Политическая близость к суннитским государствам, в особенности Персидского залива, скорее формировалась по принципу наибольшей выгоды для действующих правительств, а близость конфессиональная использовалась как удобная предпосылка.

Исторически у Малайзии сложились более продуктивные экономические отношения с Саудовской Аравией, нежели с ее ближневосточным антагонистом – Ираном: с Эр-Риядом торговый оборот исчисляется в миллиардах долларов, в то время как с Тегераном не дотягивает и до полумиллиарда¹. Кроме того, суннитская самоидентификация, помноженная на стремление играть роль средней державы и выйти на лидирующие позиции в исламском мире, естественным образом подталкивали формирование внешнеполитической идентичности как привлекательной для мирового суннитского большинства, а не для шиитских меньшинств. В связи с этим Малайзия была практически вынуждена занять определенную позицию в ирано-саудовском противостоянии. В некоторой степени можно даже утверждать, что Малайзия стала одним из полей «холодной войны» между Эр-Риядом и Тегераном².

Как следствие, к исповедуемому в Иране шиизму, официально запрещенному в Малайзии, отношение среди большинства малазийских мусульман открыто враждебное, в отличие от саудовской версии ваххабизма. Антишиитские настроения ранее использовались для нейтрализации политических оппонентов, но маловероятно, что они зародились сами по себе внутри страны. В 2013 г. *JAKIM* признал все ответвления шиитского ислама запрещенными (с 1996 по 2013 г. джафаритский и зейдитский толки по-прежнему считались допустимыми, власти регулярно устраивали рейды на религиозные собрания шиитов³, а в общественном сознании укрепилась идея, что шиитские проповедники из Ирана стремятся обратить малазийских мусульман-суннитов в шиизм. При этом ваххабизм, продвигаемый Саудовской Аравией, к запрещенным идеологиям по-прежнему не относится.

С 2016 г. гражданское общество призывает власти продолжить поиск (или раскрыть информацию) о пропавших без вести активистов. Среди них – шиит Амри Че Мат, похищенный в 2016 г., и который занимался благотворительностью в штате Перлис на базе организации *Perlis Hope* («Надежда Перлиса»). Тогда широко известный муфтий штата Перлис Мохамад Асри Зайнуль Абидин отметил, что шиитский ислам является угрозой национальной безопасности⁴.

Помимо стремления Малайзии выстраивать привлекательный для мирового суннитского большинства имидж, саудовские финансовые вливания напрямую

1 "Trade Statistics," UN Department of Economic and Social Affairs, accessed December 5, 2021, <https://comtrade.un.org/data/>.

2 Juli Roknifard, "The Growing Threat of Sectarianism in Malaysia," *Aljazeera*, July 25, 2019, accessed December 5, 2021, <https://www.aljazeera.com/opinions/2019/7/25/the-growing-threat-of-sectarianism-in-malaysia>.

3 Norshahril Saat et al. 2021.

4 Tavleen Tarrant, and Joseph Sipalan, "Worries About Malaysia's 'Arabisation' grow as Saudi Ties Strengthen," *Reuters*, December 21, 2017, accessed December 5, 2021, <https://www.reuters.com/article/us-malaysia-politics-religion-analysis-idUSKBN1EF103>.

финансировали пропаганду определенного толка ислама в стране¹. Во-первых, упомянутый ранее *UIA* был учрежден в 1983 г. прежде всего при содействии Саудовской Аравии, которая продолжала поддерживать его динаром на протяжении всего его существования. Интерпретация ислама, которую можно встретить в стенах *UIA*, более консервативна, чем вовне. Кроме этого Эр-Рияд спонсирует другие образовательные инициативы: учреждения среднего образования исламского профиля и даже целый частный университет – Международный университет Медины (*Al-Madinah International University – IMU*). В связи с распространением идеологического влияния Саудовской Аравии зачастую стали высказываться опасения по поводу культурной арабизации Малайзии. По сути, арабизация как адаптация культурных практик арабского Востока – ношение никаба и арабского стиля в одежде, поддержка более строгих исламских норм, вплоть до кампаний по введению *худума* (исламского уголовного права)² и многое другое на уровне обыденного сознания практически подменила исламизацию³.

После визита короля Саудовской Аравии Салмана в Малайзию в 2016 г., во время которого были подписаны двусторонние соглашения об инвестициях в общем размере 10 млрд долл., Путраджая также выделила большой участок земли для строительства Центра международного мира короля Салмана (*King Salman Center for International Peace – KSCIP*). По замыслу центр должен был объединить усилия исламских ученых и разведслужб с целью борьбы с экстремистскими интерпретациями ислама. Напомним, что тогда премьер-министр Наджиб Разак уже находился в центре коррупционного скандала вокруг *1MDB*, и в качестве обоснования 700 млн долл., оказавшихся на его банковском счете, он указал пожертвование со стороны саудовской королевской семьи.

Однако новое правительство, пришедшее к власти в 2018 г., отменило решение о строительстве Центра. В 2020 г., когда в результате отставки Махатхира Мохамеда и последовавшего «переворота» к власти пришло правительство Мухиддина Ясина, министр иностранных дел Хишамуддин Хуссейн, известный личными тесными связями с саудовскими коллегами, объявил, что идея Центра может быть возрождена⁴.

Еще одним жестом в поддержку Эр-Рияда стало участие малазийских солдат в саудовской кампании в Йемене. О командировании правительством Наджиба Разака нескольких десятков военных в Эр-Рияд стало известно в 2018 г.,⁵ когда к власти пришло новое правительство во главе с Махатхиром Мохамедом. Тогда же парламентарии и представители НКО подняли вопрос об их отзыве – Наджиб Разак и его министр обороны Хишамуддин Хусейн объясняли присутствие малазийских военных в Йемене исключительно необходимостью эвакуации

1 Maszlee Malik 2017.

2 Malik 2017.

3 Tavleen Tarrant, and Joseph Sipalan, "Worries About Malaysia's 'Arabisation' grow as Saudi Ties Strengthen," Reuters, December 21, 2017, accessed December 5, 2021, <https://www.reuters.com/article/us-malaysia-politics-religion-analysis-idUSKBN1EF103>.

4 Minderjeet Kaur, "Hishammuddin Hints at Revival of King Salman Peace Centre," FMT, August 5, 2020, accessed December 5, 2021, <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2020/08/05/hishammuddin-hints-are-revival-of-king-salman-peace-centre/>.

5 Hemananthani Sivanandam, Martin Carvalho, and Tarrence Tan, "Our Military Helped Saudi in Yemen War Without Cabinet Approval, says Liew," The Star, December 3, 2018, accessed December 5, 2021, <https://www.thestar.com.my/news/nation/2018/12/03/liew-there-was-no-cabinet-approval-for-ops-yemen-2/>.

малазийских граждан с территории конфликта¹. Примечательно, что решение о командировании военных было принято вдали от глаз общественности и не получило санкции парламента.

Наконец, заинтересованность Малайзии в сохранении прочных отношений с Саудовской Аравией заключается в необходимости обеспечивать достаточную квоту для мусульманских паломников в хадж. Скажем, даже задаваться вопросом о возможном осуждении саудовской военной кампании в Йемене в виде бойкота ежегодного хаджа было бы достаточно нереалистично – ни на уровне простых граждан, ни тем более на уровне малазийского правительства.

Таким образом, следуя внутривнутриполитическим перипетиям и порой личным интересам представителей политической элиты Малайзия также невольно следовала по пути исламизации консервативного толка. Ее отношения с Саудовской Аравией сыграли в этом процессе не последнюю роль. Они же позволяют выявить ряд довольно очевидных противоречий.

Ориентация на «умеренность», «серединный путь» в трактовках ислама, проходя через призму подстройки под ожидания Саудовской Аравии и стремления удержать ускользающий мусульманский электорат, на практике трансформировались в экстремистские интерпретации текстов, удовлетворяющие сиюминутному политическому запросу.

Заключение

В данной статье проанализировано влияние, которое ислам оказывает на внешнюю политику Малайзии. Для концептуализации поднятой проблематики использовался конструктивистский подход с акцентом на анализе идентичности государства. Идентичность Малайзии как государства проявляет себя в качестве достаточно подвижного и многогранного феномена. Основные три ее проявления в качестве государства мусульманского большинства – это государство-активист, страна умеренного ислама и суннитское государство. Мотивацией для конструирования идентичности по каждому из этих проявлений, в первую очередь, является внутривнутриполитическая ситуация и борьба за голоса избирателей мусульманского большинства. А поскольку общественные настроения относительно быстро менялись за последние двадцать лет, корреляция между внутренней политикой и формированием внешнеполитической идентичности привела к возникновению многочисленных парадоксов и противоречий малазийской идентичности, проецируемой вовне. Так, образ «государства умеренного ислама» входил в противоречие с ваххабизацией образования и внутрималазийского исламского дискурса; поддержка меньшинств за рубежом в качестве государства-активиста – с дискриминацией собственных меньшинств внутри страны; а борьба за освобождение Палестины – с охлаждением антиизраильских настроений в дружественных монархиях Персидского залива. Чем более очевидными становятся эти противоречия и парадоксы, тем менее полезная роль

1 "Malaysia's Military Involvement in Saudi-led War in Yemen must end – Lawyers for Liberty," NST, June 19, 2018, accessed December 5, 2021, <https://www.nst.com.my/news/nation/2018/06/381692/malaysias-military-involvement-saudi-led-war-yemen-must-end-lawyers>.

ислама оказывается в формировании малазийской внешнеполитической идентичности, поскольку все сложнее становится удерживать баланс этой тяжелой конструкции.

Малайзия по-прежнему может выступать примером того, как многонациональное, мультикультурное и многоконфессиональное государство сумело наладить мирное сосуществование столь разнообразного населения внутри страны и внести вклад в построение региональной идентичности внутри АСЕАН. Для этого, однако, потребуются серьезное изменение подхода к национальному строительству, в котором исламу предпочтительнее занять место в строю других исповедуемых в стране религий, а не в арсенале политических инструментов сменяющих друг друга политических элит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Асмолов, К.В., Соловьев, А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // *Международная аналитика*. – 2021. – Том 12 (2). – С. 49–73. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>.
- Asmolov, Konstantin V., and Alexander V. Soloviev. "Strategic Autonomy for ROK: Intellectual Pipe Dream or Political Reality?" *Journal of International Analytics* 12, no. 2 (2021): 49–73. [In Russian].
- Ashizawa, Kuniko. "When Identity Matters: State Identity, Regional Institution-Building, and Japanese Foreign Policy." *International Studies Review* 10, no. 3 (September 2008): 571–98. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2008.00805.x>.
- Botero, Giovanni. *The Reason of State*. New Haven: Yale University Press, 1956.
- Burchell, Graham, Colin Gordon, and Peter Miller. *The Foucault Effect*. Studies in Governmentality. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
- Burton, Guy. "Middle Power Behavior Under Multipolarity: Indonesia and Malaysia in the Middle East since the Arab Uprisings." *Asian Politics and Policy*, no. 13 (2021): 228–247. <https://doi.org/10.1111/aspp.12577>.
- Chin, James. "From Ketuanan Melayu to Ketuanan Islam: UMNO and the Malaysian Chinese." In *The End of UMNO? Essays on Malaysia's Dominant Party*, edited by Bridget Welsh, 255–304. Petaling Jaya: SIRD, 2018.
- Chin, James. "Malaysia: Identity Politics, the Rise of Political Islam and Ketuanan Melayu Islam." In *Religion & Identity Politics: Global Trends and Local Realities*, edited by M. Mathews, and M. Tay, 75–95. Singapore: Institute of Policy Studies, 2021.
- Hirschman, Charles. "Demographic Trends in Peninsular Malaysia, 1947-75." *Population and Development Review* 6, no. 1 (March 1980): 103–125. <https://faculty.washington.edu/charles/new%20PUBS/A26.pdf>.
- Jordaan, Eduard. "The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers." *Politikon* 30, no. 1 (May 30, 2003): 165–81. <https://doi.org/10.1080/0258934032000147282>.
- Kushimoto, Hiroko. "'Azharisation' of 'Ulama Training in Malaysia." In *Shaping Global Islamic Discourses*, edited by Masooda Bano, and Keiko Sakurai. Edinburgh University Press, 2015. <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9780748696857.003.0009>.
- Malik, Maszlee. "Salafism in Malaysia: Historical Account on Its Emergence and Motivations." *Sociology of Islam* 5, no. 4 (December 5, 2017): 303–33. <https://doi.org/10.1163/22131418-00504003>.
- Norshahril Saat, Nur Syafiqah Mohd Taufek, and Afra Alatas. Rethinking Extremism Beyond Physical Violence: Anti-Shia Hostility in Malaysia. *Perspective by ISEAS*, no. 81 (16 June 2021): 1–10. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/05/ISEAS_Perspective_2021_81.pdf.
- Waikar, Prashant, Mohamed Nawab Mohamed Osman, and Rashaad Ali. "Dancing with the Ummah: Islam in Malaysia's Foreign Policy under Najib Razak." *The Pacific Review*, no. 2 (2019): 230–58. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1656666>.

Сведения об авторе*Юлия Владимировна Рокнифард,*

к.ист.н., доцент Школы политологии, истории и международных отношений

Ноттингемского университета Малайзии,

Малайзия, 43500, город Семени, штат Селангор, В34.

e-mail: julia.roknifard@nottingham.edu.my**Дополнительная информация**

Поступила в редакцию: 11 октября 2021.

Переработана: 18 ноября 2021.

Принята к публикации: 8 декабря 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование*Рокнифард, Ю.В.* Ислам многоликий: религия как фактор формирования внешней политики Малайзии // *Международная аналитика*. – 2021. – Том 12 (4). – С. 68–87.<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-68-87>

Multifaceted Islam: Malaysia

ABSTRACT

This paper analyzes the Islam's impact on the Malaysian politics. Islam as an instrument of Malaysia's foreign policy has been used by the political elite of the state for decades. Observers note the Islamization of the country's foreign policy, especially during the premiership of Najib Razak (2008–2018). However, the trend towards Islamization can be traced back to the moment Malaysia gained independence from Great Britain in 1957 and especially during the premiership of Mahathir Mohamad (1981–2003). The formation of such a foreign policy of Malaysia took place against the background of the Islamization of the political and social environment within the country, which, in turn, was the result of an internal political struggle. Thus, the projection of Malaysia's identity into the outside world and the foreign policy corresponding to this identity was often motivated by the need to retain or attract the support of the malay-muslim majority in the domestic political arena. Since many of the issues raised in the article relate to identity both at the national and global level, a constructivist paradigm is used to conceptualize Malaysia's foreign policy with a special emphasis on the identity of states. Particularly important in this process is the formation of domestic and foreign policy discourse. Malaysia's Islamic identity is viewed externally in three dimensions: the Sunni state, the activist state in the Islamic world and the standard of moderate Islam. Consideration of these dimensions reveals quite obvious contradictions between them, as well as between rhetoric and real politics.

KEYWORDS*Islam, Malaysia, middle power, foreign policy, wasatiyyah*

Author

Julia V. Roknifard,

PhD, Assistant Professor at the School of Politics, History and International Relations (PHIR)
of the University of Nottingham Malaysia (Kuala Lumpur).
Malaysia, 43500, Semenyih Selangor Darul Ehsan, Jalan Broga.

e-mail: julia.roknifard@nottingham.edu.my

Additional information

Received: October 11, 2021. Revised: November 18, 2021. Accepted: December 8, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Roknifard, Julia V. "Multifaceted Islam: Malaysia."
Journal of International Analytics 12, no. 4 (2021): 68–87.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-68-87>